

Аллегория (эссе Хорхе Луиса Боргеса)

Р. Г. Назиров

Подготовка текста Б. В. Орехова

Для нас аллегория — ошибка эстетики. Этот жанр анализировали Шопенгауэр («Мир как воля и представление»), де Квинси, Франческо де Санктис («История итальянской литературы»), Кроче («Эстетика») и Честертон. Боргес в этом эссе ограничивается двумя последними. Кроче отрицает аллегорическое иск-во, Честертон защищает; Боргес считает, что прав последний, но нужно понять, почему такое внимание вызывает форма, для которой мы не находим оправдания.

Кроче: «Если символ начинается неразрывно от артистической интуиции, он равнозначен с этой интуицией, которая всегда имеет идеальный характер; если он задуман независимо от неё, если выражается отдельно от вещи, которую он символизирует, то мы совершаем интеллектуальную ошибку: этот мнимый символ есть абстрактное понятие, аллегория, он есть наука или подражающее ей искусство. Мы однако должны быть справедливы в отношении аллегоризмов и признать, что в некоторых случаях они безвредны. Из “Освобождённого Иерусалима” можно извлечь любую мораль; из “Адониса” Марино, певца сладострастия, — наблюдение, что неумеренные наслаждения кончаются болью; под памятником прекрасной женщины скульптор может поместить надпись, что она изображает милосердие или доброту. Аллегии этого типа, добавленные к законченному произведению, не вредят ему. Это выражения, которые извне присоединяются к другим выражениям. К “Иерусалиму” присоединяются страницы прозы, которая выражает иную мысль поэта; к “Адонису” — стих или строфа, выражающие то, что поэт хочет дать понять; к памятнику — слово Милосердие или слово Доброта». На странице 220-й книги «Поэзия» (Бари, 1946) тон более суров: «Аллегория не есть непосредственный способ духовного откровения, а род писания или криптографии».

Кроче не признаёт разницы между содержанием и формой. Содержание есть форма и обратно. Аллегория кажется ему чудовищной, т. к. усиливается зашифровать два содержания в одной форме: то, что непосредственно и дословно (Данте, ведомый Вергилием, приближает к Беатриче), и то, что фигуративно (человек, ведомый разумом, в конце приближается к вере). Кроче считает, что этот род писания влечёт за собой многотрудные загадки.

Защищая аллегорию, Честертон в начале опровергает положение о том, что будто бы язык исчерпывает способы выражения действительности. «Человек знает, что в его душе находятся самые удивительные оттенки, более неисчислимы и трудны для определения, чем краски осенних деревьев... Однако он верит, что эти оттенки, их сочетания и видоиз-

менения моно точно отразить при помощи произвольного механизма бормотания и криков. Он воображает, что даже биржевой маклер может издавать звуки, соответствующие всем тайникам памяти, всем мукам желания». Приняв, что язык недостаточен, мы допускаем, что остаётся место для др-х вещей; аллегория может оказаться одной из них с тем же успехом, как архитектура или музыка. Правда, она складывается из слов, но она не является языком языка, знаком др-х знаков, трудолюбиво выработанным, но напрасным синонимом.

Искусство аллегории когда-то казалось восхитительным (лабиринтический «Роман о розе», сохранившийся в 200 рукописях, состоит из 24.000 стихов), а сегодня невыносимо. Мы чувствуем, что помимо этого оно глупо и дурно. Ни Данте, к-рый представил в «Vita nuova» историю своей страсти, ни римлянин Боэций, заключённый на башне в Павии и под сенью меча своего палача писавший «De consolatione», не поняли бы этого чувства. Как объяснить это разногласие, не спасаясь к принципиальному *petitio principii*¹ на тему изменившихся вкусов?

Кольридж утверждает, что люди рождаются аристотеликами и платониками платоники считают, что идеи суть действительность, аристотелики — что обобщения. Для одних язык — не что иное, как система произвольных символов, для других язык — карта вселенной. Платоник знает, что каким-то образом мир есть космос, порядок; для аристотелика этот порядок может быть ошибкой или иллюзией нашего частичного знания. Через эпохи и географические пространства два бессмертных антагониста сменяют языки и имена один — этот Парменид, Платон, Спиноза, Кант, Френсис Брэдли, другой — Гераклит, Аристотель, Локк, Юм, Вильям Джемс. В Средние века все школы поминают Аристотеля; номиналисты являются тоже Аристотелем, реалисты — Платоном. Джордж Генри Льюис (Lewes) высказал мнение, что единственным в Средние века спором, не лишённым философской ценности, является спор номинализма с реализмом; мнение это смелое, но показывает важность этой упорной контрверсии, которую одна фраза Порфирия, переведённая и прокомментированная Боэцием, вызвала в начале IX века, которую Ансельм и Росцелин поддерживали в конце XI века, а Вильгельм Оккам оживил в XIV-м².

¹*Petitio principii* — латинское название логической ошибки «предвосхищения основания»: в качестве довода, подтверждающего тезис, приводится такое положение, которое, хотя и не является заведомо ложным, само ещё нуждается в доказательстве.

Уже Аристотель в «Топике» предупреждал, что «предвосхищение основания» встречается в самых разнообразных формах. В их числе: когда принимается за достоверное то, что следовало бы доказать; когда частная мысль вместо её обоснования прямо выставляется как верное общее положение и т.д.

²Номинализм (лат. *nomēn* — имя) — направление в средневековой философии и логике, исходившее из положения, что общие понятия (универсалии) — это простые названия. «*Universalia post rem*» — универсалии — после вещей: так говорили номиналисты. Реально существуют не понятия, а отдельные вещи с их индивидуальными качествами, роды же и виды — это всего лишь субъективные понятия (*conceptus*) или же общие имена (*nomēna voces*), к-рыми люди обозначают сходные предметы.

Основателем номинализма считается Росцелин (XI век), затем это учение развивали Абеляр, Дунс Скотт и Оккам.

Реалисты считали, что универсалии реально и объективно существуют и предшествуют существованию от-

...Для реализма важнее всего были «универсалии» (Платон сказал бы — идеи, формы, абстрактные понятия), а для номинализма — «individua». История философии — это не праздный музей развлечений и словесных игр; вероятно, оба тезиса соответствуют двум видам восприятия действительности. Морис де Вульф пишет: «Ультрареализм собрал первые предложения своих услуг. Хроникёр Гериман (XI век) называет *antiqui doctores* тех, которые преподают диалектику *in re*; Абельяр называет её *doctorina antiqua*, и вплоть до самого конца XII века её противников определяют названием *moderni*». Тезис, сегодня немыслимый, казался очевидным в XI веке и каким-то образом прожил до XIV-го. Номинализм, сначала новация, признаваемая немногими, сегодня охватывает всех людей; его победа столь всесторонняя и обоснованная, что можно обойтись без названия. Никто уже не называет себя номиналистом, т. к. нет людей, которые были бы чем-то иным. Постараемся однако понять, что для людей Средневековья субъектом были не люди, а человечество, не индивиды, а род, не род, а универсалии, не универсалии, а Бог. Из этих понятий (яснейшим изложением которых является, может быть, четвероякая система Эриугены) родилась, в моём понимании, аллегорическая литература. Она рассказывает об абстракциях так же, как роман о личностях. Абстракции персонифицированы, поэтому в каждой аллегории есть какой-то романский элемент. Фигуры, предлагаемые писателями, усиливаются быть фигурами генеричекими (Дюпен — это рассудок, дон Сегундо Сомбра — это гаучо), в романах имеется аллегорический элемент.

Переход от аллегории к роману, от родов к единицам, от реализма к номинализму продолжался пару веков, но я осмелюсь назвать одну идеальную дату. Тот день 1382 года, когда Джеффри Чосер, который, может быть, сам и не считал себя номиналистом, заходил перевести на английский язык стих Боккаччо «*E con gli occulti ferri i tradimenti*» («и предательства со скрытым железом») искажал это так: «*The smyler with the knyfe under the cloke*» («смехотун с ножом за пазухой»). Оригинал находится в седьмой книге «Тезейды». Английская версия — в «*Knights Tale*».

(Это эссе знаменитого аргентинского писателя Боргеса переведено мною в сокращении, недисциплинированно: местами он назван в третьем лице, местами сохранилось его первое лицо).

(Если он и неправ, слишком опираясь на философию, то всё же он очень интересен и оригинален).

дельных вещей. Реализм был возрождением учения Платона, называвшего мир вещей тенями мира идей. По Марксу, номинализм — «первое выражение материализма» в Средние века (см. «Святое семейство»).